№ 91

Майкопская Газета

Цѣна отдѣльнаго № 3 к.

(первая) ежедневная, литературно-политическая, общественно-экономическая.

Годъ изданія II-й. 1911 г. Суббота, 19 февраля

Временно выходитъ пять разъ въ недѣлю.

ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

1861—19 февраля—1911 г.

„Осѣни себя крестнымъ знаменемъ русскій народъ и призови вмѣстѣ съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Изъ Манифеста 19 февраля 1861 г.

Мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости возникла у насъ далеко задолго до 19 февраля 1861 года. Лучшіе люди давно уже чувствовали ненормальность крѣпостныхъ отношеній и въ той или иной формѣ поднимали свой голосъ за ихъ измѣненіе.

Еще современникъ Петра Великаго, крестьянинъ Посошковъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о необходимости изданія закона, ограничивающаго власть суровыхъ помѣщиковъ.

Радищевъ, описывая ужасы крѣпостного права, настоятельно требуетъ крупныхъ соціальныхъ реформъ.

Начиная съ Екатерины второй, власть помѣщиковъ надъ крестьянами занимаетъ и правительственныя сферы.

Историческія данныя намъ говорятъ, что императрица Екатерина вторая въ первые годы по вступленіи на престолъ подъ вліяніемъ либеральныхъ идей французской философіи серьезно подумывала объ урегулированіи крестьянскаго вопроса.

Думали объ этомъ и ея преемники.

Но выходило какъ-то такъ, что правительство, въ теоріи желавшее улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, въ дѣйствительности только его еще болѣе ухудшало, и вопросъ все осложнялся.

Обыкновенно, правительство устраивало совѣщанія, на которыхъ много говорилось о положеніи крестьянъ и пр. и проч., но дальше разговоровъ дѣло не шло.

Такими совѣщаніями, извѣстными подъ именемъ секретныхъ комитетовъ, особенно богато царствованіе Николая перваго. Состовлялись они изъ высшихъ чиновниковъ. Члены комитетовъ много толковали спорили и горячились, но толку получалось мало, или вѣрнѣе, толку отъ этого совсѣмъ не получалось.

Всѣ видѣли, что полумѣрами горю не поможешь, что нужна радикальная реформа, но на нее не шли, ея боялись: Николай первый категорически заявилъ, что принуждать дворянъ отказаться отъ правъ надъ крѣпостными, онъ не станетъ, что дворяне могутъ дѣлать это только добровольно.

Иначе пошло дѣло послѣ крымской войны. Императоръ Александръ второй въ рѣчи своей къ московскому дворянству между прочимъ сказалъ:

„Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ уничтожаться само-собой снизу“.

Это было сказано рѣшительно и категорически Всѣмъ стало ясно, что правительство такъ или иначе приступитъ къ разрѣшенію давно назрѣвшаго вопроса.

Дворяне, скрѣпя сердце, принуждены были пойти на уступки.

На мѣстахъ правительственныхъ комитетовъ были образованы изъ дворянскаго элемента губернскіе комитеты, которымъ и поручено было выработать проекъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Основнымъ требованіемъ правительства по этому вопросу было то, что крестьяне должны быть освобождены безъ выкупа за себя въ пользу помѣщиковъ.

Затѣмъ 17 февраля 1859 г. въ Петербургѣ была образована подъ предсѣдательствомъ генерала Ростовцева особая комиссія, которая разсмотрѣла проекты губернскихъ комитетовъ и выработала „положеніе 19 февраля“.

Изъ дѣятелей освобожденія крестьянъ выдѣлились: Великая княгиня Елена Павловна, великій князь Константинъ Николаевичъ, М. А. Милютинъ, графъ Панинъ, Ланской, Сперанскій, Ю. Самаринъ. и др.

Царскія рѣчи о волѣ.

Рѣчь Николая I смоленскимъ дворянамъ въ 1847 г.

„Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ Имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ихъ нашею кровью, пролитою за государство. Но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны, и невѣжествомъ—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ торговли, промышленности“.

Рѣчи Императора Александра II,

Депутатамъ московскаго дворянства въ мартѣ 1856 г.

„Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи Моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, Я считаю нужнымъ объявить вамъ, что Я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова Мои дворянству для соображеній“.

Московскому дворянству 31 августа 1853 г.

„Мнѣ, господа, пріятно, когда Я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ Моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и, къ сожалѣнію, благодарить теперь васъ Я не могу. Вы помните, когда Я два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненію крѣпостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того Я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны Мною рескрипты, Я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія—не первая, не вторая, даже не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что Я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю. Я люблю дворянство, считаю его первой опорой Престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ; но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ, что могу, дайте же Мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ. Я читалъ извлеченіе изъ его занятій, многое Мнѣ кажется хорошо; одно Я замѣтилъ, что написано объ усадьбѣ. Я подъ усадебной осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы Я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете Мою къ вамъ довѣренность.“

Напримѣръ, Василій Майковъ—писатель этого періода, въ своей пастушеской драмѣ „Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель“ такъ опредѣляетъ взаимныя отношенія господъ и крестьянъ:

„Ихъ долгъ намъ (помѣщикамъ) повиноваться и служить исполненіемъ положеннаго на нихъ оброка, соразмѣрно силамъ ихъ, а нашъ долгъ защищать ихъ отъ всякихъ обидъ и даже, служа Государю и отечеству, за нихъ на войнѣ сражаться и умирать за ихъ спокойствіе“.

Эта-же пьеса заканчивается хоромъ крестьянъ, восхваляющихъ свою жизнь:

„Мы живемъ въ счастливой долѣ,
Работая всякій часъ,
Жизнь свою проводимъ въ полѣ
И проводимъ веселясь.
Мы руками работаемъ
И за долгъ себѣ считаемъ
Быть въ работѣ таковой,
Давъ оброкъ съ насъ положенный
Въ жизни мы живемъ блаженной
За господской головой и т. д.

Но такихъ сочиненій было немного; гораздо многочисленнѣе произведенія, авторы которыхъ, не нападая на крѣпостное право по существу, изобличаютъ злоупотребленія этимъ правомъ со стороны дурныхъ помѣщиковъ.

Начало этому положила сама Екатерина II-я осмѣивая въ своихъ сочиненіяхъ невѣжество и грубость нравовъ и осуждая жестокое обращеніе съ крѣпостными.

Изъ писателей этой категоріи на первое мѣсто нужно поставить Д. И. Фонвизина; въ его комедіяхъ часто можно встрѣтить указанія на тяжелое положеніе крѣпостныхъ находящихся подъ властью жестокихъ помѣщиковъ.

Наиболѣе яркое представленіе о томъ даетъ его извѣстная комедія „Недоросль“, но Фонвизинъ, изображаетъ г-жу Простакову и другихъ подобныхъ ей помѣщиковъ не типичными представителями ихъ среды, а рѣдкими исключеніями, „извергами рода человѣческаго“, на которыхъ само правительство обратило вниманіе и положило конецъ ихъ „злонравнымъ“ дѣяніямъ.

На „священный“ институтъ крѣпостного права ни Фонвизинъ, ни другіе родственные ему писатели не смѣли посягать.

Мало того, несмотря на осужденіе единичныхъ случаевъ проявленія жестокости и самоуправства писатели этой категоріи зачастую были несомнѣнными крѣпостниками;—такимъ былъ, напримѣръ, А. П. Сумароковъ

Правда, въ его произведеніяхъ есть строки осуждающіе чрезмѣрную жестокость, такъ въ одномъ его стихотвореніи прилетѣвшая изъ-за моря синица разсказываетъ:

Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ
Деревни въ карты тамъ не ставятъ.
За моремъ людьми не торгуютъ.

Въ сатирѣ „о благородствѣ“ Сумароковъ задается вопросомъ:

На толь дворяне мы, чтобъ люди работали
А мы бы ихъ труды, по знатности мотали и т. д.

Но въ своихъ возраженіяхъ на наказъ Екатерины и въ извѣстномъ письмѣ въ Вольно-Экономическое общество—Сумароковъ является ярымъ крѣпостникомъ.

Въ лирикѣ самымъ сильнымъ выпадомъ противъ крѣпостного права была ода Кантемира „На рабство“ написанная въ 1783 г. по поводу закрѣпощенія крестьянъ въ родной автору Малороссіи.

Впрочемъ эта ода была напечатана только при Александрѣ I.

Въ Екатерининскую эпоху появилось много сатирическихъ журналовъ поставившихъ себѣ цѣлью осмѣивать и осуждать недостатки современной имъ жизни.

На первомъ мѣстѣ стояли журналы Н. И. Новикова „Трутень“ и „Живописецъ“.

Въ „Трутнѣ“ напримѣръ изображается помѣщикъ Бевразсудъ, который думаетъ о крестьянахъ такъ: „я господинъ, они--мои рабы; они для того и сотворены, чтоабы претерпѣвать всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка“.

Другой помѣщикъ Злорадъ полагаетъ, что „рабамъ жестокость и наказаніе, какъ и дневная пища необходимы“.

Еще ярче картины ужаснаго положенія крестьянъ и нравственнаго одичанія господъ въ „Живописцѣ“.

Но нужно сказать, что нигдѣ Новиковъ не нападаетъ на самое крѣпостное право, а лишь на злоупотребленіе имъ

Однако сатира Новикова въ своей критикѣ общественныхъ отношеній зашла гораздо дальше, чѣмъ это считалось допустимымъ тогда; и Новиковъ впалъ въ немилость и былъ лишенъ возможности продолжать начатое дѣло.

Среди писателей описываемаго періода совершенно особенное мѣсто занимаетъ Н. А. Радищевъ.

Онъ первый изъ русскихъ писателей въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ возсталъ противъ крѣпостного права вообще, первый увидѣлъ въ немъ не „священный институтъ, а позорный пережитокъ прошлыхъ вѣковъ отъ котораго необходимо было освободиться.

Книга Радищева является единственной во всей русской литературѣ по полнотѣ и правдивости изображенія судьбы крѣпостныхъ, по силѣ страстнаго негодованія, съ которымъ авторъ относится къ существованію рабства въ Россіи.

Радищевъ касается всѣхъ сторонъ крѣпостного права и для изображенія его уродливости находитъ яркія краски, сильные образы, живую и пламенную рѣчь негодованія, внушеннаго участіемъ къ жалкой судьбѣ крѣпостныхъ и искренней ненавистью къ тиранін помѣщиковъ.

Невыносимая тяжесть труда крѣпостныхъ на помѣщиковъ; жестокое до звѣрства обращеніе съ крѣпостными; развратъ помѣщиковъ въ своихъ деревняхъ и самоуправство ихъ; безправное положеніе крѣпостныхъ передъ лицомъ закона; крайняя нищета крестьянскаго быта; насильственные браки между крѣпостными, устраиваемые по волѣ помѣщика; ужасный обычай продавать крѣпостныя семьи съ аукціона—вотъ темы изображеній Радищева.

Сочиненія Радищева цѣнно еще потому, что авторъ внимательно наблюдалъ народную жизнь, что у него были обширныя знанія крѣпостного быта на которыя онъ и опирался.

Человѣкъ осмѣлившійся возстать противъ рабства, осмѣлившійся написать, что „правительство существуетъ для народа, а не наоборотъ и. что счастье народа измѣряется благосостояніемъ массъ, а не благополучіемъ отдѣльныхъ лицъ“, по понятіямъ того времени былъ преступникомъ и Радищева предали суду.

Уголовная палата судившая Радищева не могла даже подыскать подходящей статьи, по которой можно было бы осудить его и Радищеву было предъявлено нелѣпое обвиненіе въ „покушеніи на здоровье Государево, заговорахъ, измѣнѣ“ и т. д.

Радищевъ былъ приговоренъ къ смерт. казни, однако казнь была замѣнена заключеніемъ въ Петропавловскую крѣпость.

Такъ окончились первыя попытки протеста противъ крѣпостного права.

II.

Одиноко звучалъ смѣхъ Новикова, свѣтлымъ лучомъ мелкнули горячія смѣлыя слова Радищева и снова всѣ замолкли и крѣпостное право черной тѣнью продолжало висѣть надъ страной, проникая въ мельчайшія поры народнаго организма, давя каждую свѣтлую мысль, каждый смѣлый протестъ.

Послѣ осужденія Радищева, на протяженіи почти пятидесяти лѣтъ, ни одинъ русскій писатель не выступалъ съ такимъ рѣзкимъ и безпощаднымъ осужденіемъ рабства.

Наоборотъ, среди писателей послѣ Екатерининской эпохи, мы видимъ убѣжденныхъ крѣпостниковъ—какимъ былъ, напримѣръ, Н. М. Карамзинъ.

Въ своихъ статьяхъ Карамзинъ признавалъ необходимость крѣпостного права, исходя изъ того положенія, что освобожденіе крестьянъ выгодно только для тѣхъ помѣщиковъ, которые стремятся къ удовлетворенію собственной корысти, и что помѣщики дѣйствительно желающіе блага своимъ крестьянамъ, никогда не откажутся отъ управленія вотчиной.

Подобной точки зрѣнія держались вообще всѣ консерваторы того времени.

Стоитъ только, думалъ Карамзинъ, помѣщику позаботиться объ организаціи хорошаго управленія имѣніемъ, и крѣпостной укладъ потеряетъ свой острый характеръ. Жизнь крестьянъ подъ эгидой помѣщика потечетъ ровно и спокойно и они, кромѣ благодарности никакихъ другихъ чувствъ не будутъ питать къ своему помѣщику и покровителю.

Крыловъ и другіе баснописцы описываемаго періода, осмѣивая ничтожныя пороки людей, не только не возставали противъ крѣпостного права, но даже жизнь крестьянъ въ своихъ басняхъ изображали въ томъ нелѣпомъ освѣщеніи, которое такъ свойственно ложно—классическому направленію.

Если въ этихъ басняхъ и говориться что либо о крестьянахъ, то послѣдніе изображаются какими то счастливыми аркадскими пастушками и пастушками, пасущими на лонѣ живописной природы бѣленькихъ барашковъ съ съ розовыми ленточками на шеѣ.

Не смотря на талантливость нѣкоторыхъ писателей этой котегоріи общественное значеніе ихъ—ничтожно.

„Бичуя маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“ они считали себя исполняющими важную общественную работу и въ то-же время малодушно умалчивали о той несправедливости и жестокостяхъ, которыя совершались на ихъ глазахъ. Жалкая прописная моряль ихъ басень никого не исправляла и никого не безпокоила.

Вообще всѣ писатели того періода говорили о крѣпостномъ правѣ только вскользь, неохотно.

Причина того, что крѣпостное право въ эту эпоху не нашло полнаго изображеніе въ русской литературѣ, кроется не только въ цензурномъ стѣсненіи.

Вѣдь, какъ ни тяжелы были цензурныя условія, а прогрессивная мысль въ русскомъ обществѣ не заглохла и писатели второй половины этой эпохи—Григоровичъ, Тургеневъ, Герценъ, Некрасовъ—сумѣли дать читателямъ картины изъ жизни крѣпостной деревни.

Другая причина разсматриваемаго явленія заключается въ томъ, что для многихъ писателей эпохи 20—50-хъ годовъ прошлаго столѣтія и особенно первой ея половины, крестьянскій вопросъ не былъ вполнѣ назрѣвшимъ, требующимъ немедленнаго разрѣшенія въ смыслѣ отмѣны крѣпостного права,

Главнѣйшая очередная задача времени—улучшеніе быта крѣпостныхъ занимала въ ихъ сознаніи далеко не подобающее мѣсто.

Ихъ вниманіе привлекали другіе вопросы, другія стороны русской жизни.

Нѣкоторые изъ нихъ пришли даже къ мысли о необходимости „примиренія“ съ русской дѣйствительностью; стали отрицательно относится къ „политикѣ“ увлекшись вопросами философіи, искусства, этики.

Наконецъ, иные не были способны къ роли борца или обличителя, а изображать жизнь крѣпостныхъ въ то время значило обличать и бороться.

Какъ-бы тамъ ни было, но ни въ ѣдкой сатирѣ Грибоедова, ни въ произведеніяхъ другихъ важныхъ писателей той эпохи мы не встрѣчаемъ ни яркихъ картинъ, изображающихъ крѣпостной бытъ, ни, тѣмъ болѣе протеста противъ рабства.

Среди произведеній Пушкина есть только два стихотворенія „Деревня“ и „Вольность“, въ которыхъ виденъ протестъ противъ существующаго положенія вещей.

И вотъ отрывокъ изъ стихотворенія „Деревня“.

...„Мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ:
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ...
Не видя, не внимая стону.
На пагубу людей избранные судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и себственность, и время земледѣльца
Сплотясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ.
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ.
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надежды сладостной въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ.
Для прихоти развратнаго злодѣя.

Стихотвореніе это заканчивается слѣдующими пламенными словами:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря“

Въ своихъ большихъ произведеніяхъ Пушкинъ лишь вскользь касается быта крестьянъ.

Вообще и Пушкинъ и современные ему Лермонтовъ и Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостному праву не выдѣлялись изъ большинства своихъ современниковъ и не дали яснаго изображенія положенія крепостныхъ.

III.

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Омывающихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.
Н. В. Некрасовъ.

Въ стихотвореніи „Деревня“ Пушкинъ говоритъ:

„О еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тривожить!
Почто въ груди горитъ безплодный жаръ“.

Писатели 40 и 50-хъ годовъ нашли пламенныя слова встревожившія сердца друзей и враговъ освобожденія.

Въ ихъ груди горѣлъ не безплодный жаръ, а великая любовь къ народу и эта любовь отразилась въ ихъ произведеніяхъ съ небывалой силой.

Съ началомъ 40-хъ годовъ художественное творчество входитъ въ непосредственную связь съ областью общественныхъ вопросовъ.

Борьба двухъ художественныхъ теченій „искусство для искусства“ и „искусство-пропвѣдничество“ — заканчивается побѣдой второго.

То реалистическое направленіе въ русской литературѣ, которое сложилось еще въ 30-е годы и освѣтило яркимъ свѣтомъ жизнь верхнихъ слоевъ русскаго общества, было приложено теперь къ изображенію жизни низовъ.

Литературная дѣятельность въ этотъ періодъ становится поприщемъ общественнаго служенія.

Однимъ изъ первыхъ писателей, для которыхъ уничтоженіе крѣпостного права стало живымъ „національнымъ“ вопросомъ—былъ В. Г. Бѣлинскій, статьи котораго имѣли и имѣютъ огромное вліяніе на молодежь.

Первымъ по времени выхода въ свѣтъ произведеніемъ посвященнымъ изображенію крѣпостного быта была повѣсть Григоровича „Деревня“.

Она появилась въ концѣ 1846 года и сразу обратила на себя всеобщее вниманіе.

Въ этой повѣсти Григоровичъ разсказываетъ о печальной судьбѣ крестьянской дѣвушки Акулины. Рисуя ея чуткую нѣжную душу, онъ показываетъ, въ какихъ невыносимыхъ условіяхъ прошли ея дѣтство и юность.

По прихоти барина Акулина была выдана замужъ, противъ своей воли и противъ воли своего будущаго мужа и его родителей.

Жизнь въ замужествѣ съ пьяницей мужемъ и его сварливыми родственниками, представляла сплошную цѣпь мученій физическихъ и нравственныхъ.

Не перенеся такой жизни, Акулина умираетъ, страдая отъ безпокойства за судьбу своей дочки Дуни.

За этой повѣстью появилась вторая: „Антонъ-горемыка“; она тоже привлекла вниманіе читателей любовью къ народу, которой дышала каждая строчка ея и по словамъ современниковъ не мало было пролито слезъ надъ страницами „Антона-горемыки“.

Повѣсти Григоровича были важнымъ общественнымъ явленіемъ въ то тяжелое и мрачное время.

Одновременно съ Григоровичемъ выступилъ и Тургеневъ со своими разсказами изъ крестьянскаго быта.

Первый изъ нихъ „Хорь и Калинычъ“ появился въ началѣ 1847 г., а въ 1852 г. разсказы эти вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Записки Охотника“.

Въ „Запискахъ Охотника“ мы не находимъ рѣзкаго и страстнаго протеста противъ рабства, но въ этихъ разсказахъ передъ нами раскрывается внутренній міръ нашего крестьянина.

Въ нихъ впервые была раскрыта народная душа и съ геніальнымъ мастерствомъ показано, какіе богатые запасы силъ таятся въ глубинѣ ея.

Отъ „Записокъ“ повѣяло на читателей совершенно новымъ духомъ, которымъ проникнуты они отъ первой страницы до послѣдней.

Это былъ духъ гуманности и искренней любви къ угнетенному мужику.

Выводя такія личности какъ Хорь, Ермолай, Касьянъ съ Красивой Мечи, Бирюкъ, Яковъ Турокъ въ „Пѣвцахъ“, авторъ тѣмъ уже протестовалъ противъ крѣпостного права, что, заглядывая въ душу этихъ людей, находилъ въ ней тѣ-же радости и страда[illegible], что и у прочихъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ изображалъ ихъ несравненно болѣе симпатичными и цѣнными, чѣмъ сидящіе тутъ-же рядомъ помѣщики.

Впечатлѣніе, произведенное этими разсказами, было еще больше, чѣмъ впечатлѣніе отъ разсказовъ Григоровича.

Императоръ Александръ II говорилъ, что „Записки Охотника“ окончательно укрѣпили его въ намѣреніи освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ эти годы выступилъ со своимъ протестомъ противъ крѣпостного права и Герценъ.

Въ повѣсти „Сорока воровка„ и „Кто виноватъ?“ Герценъ мрачными красками рисуетъ передъ нами черты крѣпостного быта.

Но Герценъ не былъ писателемъ-беллетристомъ, а потому указанныя произведенія слабы въ художественномъ отношеніи.

Проделжая всю свою жизнь бороться съ крѣпостнымъ правомъ, Герценъ облекалъ горячій протестъ въ другія формы—въ формы газетной и журнальной статьи.*)

Новыя вѣянія 40-хъ годовъ отразились съ небывалою, до того времени, силою и въ поэтическихъ произведеніяхъ.

Главнѣйшими представителями этого направленія были Н. А. Некрасовъ и Т. Г. Шевченко.

Въ произведеніяхъ Шевченко мы видимъ изумительныя по красотѣ и силѣ скорбнаго чувства картины народнаго горя.

„Самъ Шевченко, говоритъ Лѣтковъ (въ своей статьѣ „Крѣпостная интеллигенція“), полный представитель той страшной драмы, о которой говоритъ онъ“.

„Онъ мыслилъ и чувствовалъ, пока жилъ и прошелъ, рыдая, всю драму жизни.“

„Рабство, тяготѣвшее надъ нимъ съ рожденія дало ему всѣ страданія, какія только можетъ дать оно“.

Можно ли послѣ этого удивляться тому, что всѣ произведенія Шевченко—одинъ горячій и страстный протестъ противъ ужасовъ рабства, полный глубокаго участія къ печальной долѣ крѣпостныхъ и жгучей ненависти къ угнетателямъ народа „панамъ“.

Воспѣвая страстно любимую Украйну и называя ее „земнымъ раемъ,“ Шевченко съ горечью говоритъ, что въ этомъ „раѣ“ „снимаютъ съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ „панятъ“, тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единственнаго сына, „а тамъ по пидъ тыномъ опухша дытына голодная мре, а маты пшеныцю на панщини жне“, тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ на рукахъ, а обольстившій ее панычъ „ничого не знае съ двадцятою недолюдокъ, души пропывае“.

„Якъ-бы разказаты, говоритъ дальше Шевченко,
Про якого небудь однаго магната
Исторію-правду, то перелякаты
Само-бъ пекло можно; и Данта старого
Полупанкомъ нашимъ можно здывувать“.

Съ неменьшей яркостью отразилась тяжкая доля крѣпостныхъ въ произведеніяхъ великаго поэта-гражданина Н. А.

„Укажи мнѣ такую обитель,
Я такого угла не встрѣчалъ,
Гдѣ-бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ-бы русскій мужикъ не стоналъ?“

Говоритъ Некрасовъ въ своихъ „Размышленіяхъ у парадного подъѣзда“.

И эти стоны народа выливаются въ его полныхъ страстнаго и скорбнаго лиризма стихотвореніяхъ.

Муза Некрасова—муза гнѣва и печали и гдѣ-бы ни находился поэтъ, въ какой-бы веселой и праздничной обстановкѣ не былъ, дума о мужикѣ и его страданіяхъ не покидаетъ его.

Въ балетѣ, при видѣ балерины, танцующей народный танецъ въ крестьянскомъ костюмѣ, подъ громъ аплодисментовъ восторженной толпы, Некрасову приходятъ въ голову такія мысли:

Гурія рая!
Ты мила, ты воздушно легка
Такъ танцуй-же ты „Дѣву Дуная,“
Но въ покоѣ оставь мужика!
Въ мерзлыхъ лаптяхъ, въ шубѣ нагольной
Весь заиндивѣвъ, самъ за себя
Въ эту пору онъ пляшетъ довольно
Зиму дома сидѣть не любя.
Подстрекаемый лютымъ морозомъ,
Совершая дневной переходъ
Пляшетъ онъ за скрипучимъ обозомъ,
Пляшетъ онъ—даже пѣсни поетъ.

Въ стихотвореніи „Родина“ Некрасовъ изображаетъ помѣщичью усадьбу, гдѣ жизнь помѣщика

„Текла среди пировъ,
безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства.
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гулу ликованій
Глухой и вѣчный шумъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ и дѣйствовалъ и жилъ.“

Некрасову пришлось пережить и то ужасное время, о которомъ говоритъ Миша въ „Медвѣжей охотѣ“.

Ты, думаю, охоту на двуногихъ
Засталъ еще въ ребячествѣ своемъ.
Слыхалъ ты вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ засѣкаемыхъ кнутомъ?
Я думаю, ты былъ не полугода
И не забылъ порядки тѣхъ временъ,
Когда въ отвѣтъ стенаніямъ народа
Мысль русская стонала въ полутонъ!

Но на долю Некрасова выпало и большое счастье—онъ былъ свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ. Этому великому событію поэтъ посвятилъ стихотвореніе „Свобода“. Оно служитъ какъ-бы заключительнымъ и примиряющимъ аккордомъ той борьбы, которую вели русскіе писатели съ рабствомъ народа.

Вотъ это стихотвореніе:

Родина мать! По равнинамъ твоимъ
Я не взиралъ еще съ чувствомъ такимъ!
Вижу дитя на рукахъ у родимой.
Сердце волнуется думой любимой:
Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ! Не узнаешь ты слезъ!
Съ дѣтства ничѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло къ которому годенъ...
Знаю: на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ.
Такъ! Но распутать ихъ легче народу.
Муза! Съ надеждой привѣтствуй свободу!“

Мих. Сумцовъ.

*) Узкія рамки газетной статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ намъ подробнѣе коснуться литературной дѣятельности Герцена и Бѣлинскаго.

Поставивъ своей задачей выяснить то, какъ отразилось крѣпостное право въ произведеніяхъ писателей-беллетристовъ, мы принуждены лишь вскользь упомянуть о великихъ представителяхъ русской мысли 40 и 50 г.г. По этой-же причинѣ мы принуждены пройти молчаніемъ рядъ второст. рус. писателей. М. С.

Подъ гнетомъ рабства.

Рабыня.

Три тяжкія доли имѣла судьба;
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.
Вѣка протекали—все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣсколько разъ измѣнилось,
Одно только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки...

Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ.

Н. Некрасовъ.

Эй, Иванъ!

Вотъ онъ весь, какъ намалеванъ,
Вѣрный твой Иванъ:
Не умытъ, угрюмъ, оплеванъ,
Вѣчно полупьянъ...
Родъ его тысячелѣтній
Не имѣлъ угла—
На запяткахъ и въ передней
Жизнь вѣками шла.
Ремесла Иванъ не знаетъ,
Дѣлаетъ, что даютъ:
Шьетъ, куетъ, варитъ, строгаетъ,
Не потрафилъ—бьютъ!
„Заживетъ!“ Грубитъ, воруетъ,
Божится и вретъ,
И за рюмочку цѣлуетъ
Ручки у господъ...

Господа давно рѣшили,
Что души въ немъ нѣтъ.
Неизвѣстно—есть ли, нѣтъ ли,
Но съ нимъ случай былъ:
Чуть живого сняли съ петли,
Передъ тѣмъ грустилъ.
Господамъ конфузно было:
— Что съ тобой Иванъ?—
«Такъ, подъ сердце подступило»,
И глядятъ: не пьянъ!
Говоритъ: «Вы потеряли
Вѣрнаго слугу;
Все равно—помру съ печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше съ глотки
Петли не снимать...»
Самъ помѣщикъ выслалъ водки
Скуку разогнать.
Пилъ дѣтина Ерофеичъ,
Плакалъ да кричалъ:
„Хоть бы разъ Иванъ Мосеичъ
Кто бъ меня назвалъ!..“

Ипатъ.

Не можетъ барскихъ милостей
Забыть Ипатъ. Потѣшные
О дѣтствѣ и о молодости
Да и о самой старости
Разсказы у него...
«Какъ былъ я малъ, нашъ князюшка
Меня рукою собственной
Въ телѣжку запрягалъ;
Достигъ я рѣзвой младости,
Пріѣхалъ въ отпускъ князюшка
И, погулявши, выкупалъ
Меня, раба послѣдняго,
Зимою въ проруби!
Да какъ чудно! Двѣ проруби!
Въ одну опуститъ въ неводѣ,
Въ другую мигомъ вытянетъ—
И водки поднесетъ!
Клониться сталъ я къ старости...
Зимой дороги узкія,
Такъ часто съ князямъ ѣздили
Мы гужемъ въ пять коней.
Однажды князь—затѣйникъ же!—
И посади фолеторомъ
Меня, раба послѣдняго,
Со скрипкой впереди.
Любилъ онъ крѣпко музыку.
«Играй, Ипатъ!» А кучеру
Кричитъ: «Пошелъ живѣй!»
Мятель была изрядная,
Игралъ я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая—
Свалился я съ нея!
Ну, сани, разумѣется,
Черезъ меня проѣхали,
Попридавали грудь.
Не то бѣда: а холодно,
Замерзнешь—нѣть спасенія,
Кругомъ пустыня, снѣгъ.
Гляжу на звѣзды частыя
Да каюсь во грѣхахъ.
Такъ что же, другъ ты истинный!
Послышалъ я бубенчики,
Чу, ближе, Чу, звончѣй!
Вернулся князь (закапали
Тутъ слезы у дворового).
Одѣлъ меня, согрѣлъ меня,
И рядомъ недостойнаго,
Съ своей особой княжеской
Въ саняхъ привезъ домой!»

Н. Некрасовъ.

Какъ крестьяне встрѣтили волю.

(Изъ „Записокъ сельскаго священника“).

Манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостного права былъ прочитанъ въ деревняхъ 5 марта. Крестьяне, ждавшіе объявленія воли въ день 19 февраля, сильно волновались, опасаясь, что волю перехватили помѣщики и скрыли отъ народа. Наконецъ, 5 марта, подъ благовѣстъ церковныхъ колоколовъ, былъ прочитанъ давно жданный манифестъ. Въ большинствѣ мѣстъ крестьяне не поняли содержанія манифеста или поняли его даже превратно. Были недоразумѣнія, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кончались очень печально.

Но эти отдѣльные печальные факты не омрачали общей картины великаго восторга, охватившаго народныя массы при словѣ «воля». Вчерашніе рабы даже не доискивались точнаго смысла манифеста, они мирились съ тѣмъ, что полная воля была отсрочена на два года. Для нихъ достаточно было, что съ манифестомъ отмѣнено навѣки крѣпостное право.

Вотъ какъ одинъ священникъ-очевидецъ описываетъ сцену объявленія воли въ деревнѣ.

Батюшка выѣхалъ вмѣстѣ съ исправникомъ объявить по селамъ «манифестъ».

Въ первой деревнѣ, верстахъ въ 5-ти отъ города, всѣ жители, и старый и малый, высыпали намъ на встрѣчу. На всѣхъ лицахъ ясно были видны и радость и недовѣріе. Всѣ всматривались въ насъ и торопились поскорѣе прочесть въ глазахъ нашихъ объ ожидающей ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Всѣ стояли безъ шапокъ въ какомъ-то забвеніи: и радость, и горе, и надежда и недовѣріе,—все ясно выражалось на лицахъ.

Одинъ старикъ не вытерпѣлъ: кланяясь намъ и со слезами на глазахъ, закричалъ:

— Что вы намъ, отцы родные, везете, кормильцы наши?

Исправникъ закричалъ:

— Волю, братцы, волю! Волю мы веземъ вамъ! Въ церковь идите. Мы будемъ читать вамъ волю!

Старикъ заплакалъ и перекрестился. За нимъ начали креститься всѣ, а ребятишки запрыгали: „воля! воля!“ Мы ѣхали шагомъ и вся толпа шла за нами. Погода была теплая, и дорога убійственная. Снѣгъ таялъ, текли ручьи и заторы въ каждой лощинѣ рѣшительно не давали намъ ходу. Въ одной лощинѣ мы было завязли. Мужики подхватили наши сани и вынесли на себѣ.

— На себѣ донесемъ васъ! закричали всѣ, смѣясь.— Лишь волю то намъ дайте!

Вся деревня пошла за нами въ село. По пути, верстахъ въ двухъ, стояла другая деревня. Крестьяне и въ этой деревнѣ стояли и ждали насъ. Лишь только мы показались изъ-за горки, какъ сопровождавшіе насъ замахали шапками и закричали имъ:

— Воля, воля! Волю везутъ, волю!

Крестьяне и этой деревни пошли за нами. Шествіе наше было очень торжественное. Въ селѣ около церкви народу собралось множество.

Въ церкви передъ чтеніемъ манифеста насталамертвая тишина, да такая, что буквально было бы слышно, еслибъ пролетѣла муха.

Крестьяне стояли, какъ бы не дыша, не шевельнулись и не промолвили ни слова, но смотрѣли зорко и жадно впивались въ каждое слово.

Въ манифестѣ многое оказалось для крестьянъ непонятнымъ, много огорчило и расхолодило ихъ. Но въ концѣ концовъ они примирились съ двухлѣтнимъ срокомъ временно обязанныхъ отношеній и радовались тому, что отнынѣ сѣчь ихъ уже не будутъ, дѣвокъ брать не будутъ въ барскіе покои, дѣтей и стариковъ не будутъ гнать на барщину, а черезъ два года и совсѣмъ отмѣнено будетъ крѣпостное право, и всѣ будутъ вольными людьми.

Гимнъ.

Господь! твори добро народу!
Благослови народный трудъ
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути!
И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья—
Господь, Ты ввѣришь на Руси!..

Н. Некрасовъ.

Правовое положеніе крестьянъ до 19 февраля и въ настоящее время.

Сегодня мы празднуемъ пятидесятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ чемъ состояла крѣпостная зависимость крестьянъ? Отъ кого они зависѣли? Каковы были у нихъ въ то время права?

На эти вопросы ясный и категорическій отвѣтъ даетъ намъ наша отечественная исторія.

Всякій, знакомый съ русской исторіей, знаетъ, какимъ образомъ возникло у насъ крѣпостное право, какъ оно постепенно развиваясь, достигло своего кульминаціоннаго пункта и, затѣмъ, постепенно падая, окончательно рушилось 19 февраля 1861 года.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени только крайне незначительное меньшинство русскихъ подданныхъ имѣло возможность познакомиться съ историческими событіями путемъ систематическаго изученія исторіи. Многомилліонная-же народная масса знаетъ о крѣпостномъ правѣ только изъ разсказовъ стариковъ.

Поэтому, полагаю, не лишнимъ будетъ привести въ краткихъ словахъ историческую справку.

Давно, въ незапамятныя времена, когда еще только формировалось наше государство, крестьяне были вполнѣ свободны. Земли было вдоволь, населеніе крайне рѣдкое. Каждый имѣлъ право и бралъ земли столько, сколько въ состояніи былъ обработать.

Но съ теченіемъ времени положеніе стало мѣняться.

Правительство, желая обезпечить своихъ служилыхъ людей, чиновниковъ, раздавало имъ обширные участки земли. И такимъ образомъ количество свободныхъ, ни кѣмъ не занятыхъ земель становилось все меньше и меньше. Правда, пространства земель менѣе удобныхъ для обработки оставались долгое время не распаханными, то же было и съ землями на окраинахъ государства.

Крестьянину приходилось дѣлать выборъ: занять землю свободную, малоплодородную, или поселиться гдѣ-нибудь на окраинѣ государства, или, наконецъ, пользоваться уже занятою землею на арендныхъ началахъ. Большинство, конечно, шло на послѣднее. Да это и понятно. Вѣдь, значительная часть желающихъ обрабатывать землю —были люди „маломочные“, т. е. безъ всякихъ средствъ: у нихъ не было ни необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, ни сѣмянъ для посѣва, ни средствъ для постройки жилища. Куда ужъ тамъ такому земледѣльцу отправляться на совершенно невѣдомыя для него, далекія, хотя, быть можетъ и очень плодородныя, земли.

Не лучше-ли какъ нибудь устроиться на участкѣ ближняго богатаго землевладѣльца. И онъ устраивался на арендныхъ началахъ. Договоръ съ землевладѣльцемъ-помѣщикомъ заключался свободно, безъ принужденія съ чьей-бы то ни было стороны. Если земледѣльцу не нравилось почему-либо у одного помѣщика, онъ имѣлъ право перебраться къ другому.

Эти переходы вначалѣ допускались во всякое время, а затѣмъ правительство ограничило ихъ осеннимъ временемъ, назначивъ для этого двухнедѣльный срокъ, около Юрьева дня.

Но прежде чѣмъ перейти къ другому землевладѣльцу, крестьянинъ, само собой разумѣется, долженъ расчитаться полностью со старымъ хозяиномъ. Вотъ въ этихъ то разсчетахъ и вся штука. Какъ я уже упомянулъ, значительная часть крестьянъ были люди маломочные. Они съ самаго момента заключенія съ помѣщикомъ арендного договора становились его неоплатными должниками, получивъ отъ него въ долгъ самый необходимый сельско-хозяйственый инвентарь, сѣмена для посѣва и проч.

И выходило такъ, что юридически свободный крестьянинъ, фактически былъ „привязанъ“ къ землѣ помѣщика до уплаты всего долга, а долгъ этотъ часто не только не уменьшался, а порой даже увеличивался.

И крестьянинъ силою вещей долженъ былъ оставаться вѣчнымъ арендаторомъ.

Если крестьянину слишкомъ уже дурно жилось у помѣщика и не было у него возможности расплатиться съ нимъ, то ему оставалось только бѣжать, скрыться.

Противъ побѣговъ правительствомъ принимались мѣры. Бѣглецовъ розыскивали и возвращали на старыя мѣста, пока не уплатятъ долга. На этой почвѣ возникли массовыя споры и неурядицы между самими помѣщиками. При чемъ болѣе крупные изъ нихъ всегда оставались въ выигрышѣ: они умѣли укрыть у себя бѣглыхъ крестьянъ, они же переманивали крестьянъ отъ болѣе бѣдныхъ помѣщиковъ, иногда уплачивая за нихъ всѣ накопившіеся за ними долги. Вообще, нужно сказать, крестьяне охотнѣе шли къ крупнымъ землевладѣльцамъ.

Земли же мелкихъ владѣльцевъ страдали отъ безлюдья исплошь и рядомъ оставались не обработанными и владѣльцы вслѣдствіе этого не могли исполнять исправно повинности, которыя налагались на нихъ правительствомъ.

Вотъ почему правительство поспѣшило вмѣшаться въ отношенія между крестьянами и землевладѣльцами, вотъ почему оно помогало помѣщикамъ отыскивать бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянъ, ограничило сроки крестьянскихъ переходовъ и, наконецъ, постепенно совершенно воспретило эти переходы.

Окончательное воспрещеніе переходовъ мы видимъ въ половинѣ семнадцатаго вѣка.

Съ этого времени закрѣпощеніе крестьянъ все растетъ и достигаетъ своего апогея во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II личность крестьянина составляла полную собственность помѣщика. Онъ имѣлъ неотъемлимое право во всякое время продать своего крѣпостного крестьянина, заложить, промѣнять, подарить и т. д.

Правда, убивать крестьянъ воспрещалось подъ страхомъ уголовнаго взысканія, но это нисколько не мѣшало ему наказывать крестьянина безъ всякаго суда, отдавать въ солдаты и ссылать въ Сибирь на каторжныя работы. Это было его безконтрольное право.

Въ 1767 году правительствомъ былъ изданъ указъ, который категорически требовалъ, чтобы крѣпостные крестьяне не смѣли жаловаться на своихъ помѣщиковъ.

Вотъ подлинныя слова приказа по своей вотчинѣ: „Впредь, ежели кто изъ людей нашихъ высѣчется плетьми, дано будетъ 100 ударовъ, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать“.

Приказъ этотъ съ достаточною яркостью рисуетъ отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ людямъ.

Такое безправное существованіе многомилліоннаго народа, такое безпрерывное угнетеніе тянулось вплоть до 19 февраля 1861 г.

Актомъ 19 февраля крѣпостные крестьяне объявлены свободными.

Власть помѣщика разрушена. Рабство исчезло.

Но эта реформа—сама по себѣ грандіознѣйшая изъ реформъ—настоятельно требовала и теперь еще требуетъ и другихъ преобразованій.

Дѣло въ томъ, что актъ 19 февраля, освободивъ крестьянъ отъ власти помѣщика, не далъ имъ правъ полноправнаго гражданства, не уравнялъ ихъ съ лицами другихъ сословій.

Русское общество прогрессивнаго лагеря шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія надѣялось, что за 19 февраля послѣдуетъ рядъ реформъ, которыя поставили бы Россію на ряду съ другими наиболѣе культурными государствами Европы.

Но надеждамъ этимъ осуществиться не удалось. Наступила реакція, отъ крестьянъ понемногу стали отбирать и тѣ права, которыя имъ были даны при освобожденіи.

Такъ, напримѣръ, реакціонные круги дворянства были крайне недовольны дѣятельностью мировыхъ посредниковъ, которые во многихъ случаяхъ являлись защитниками интересовъ крестьянъ.

И вотъ, въ 1874 г., былъ опубликованъ законъ „объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ“, отмѣнившій институтъ мировыхъ посредниковъ, а взамѣнъ этого введено было „уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе“, въ которомъ главная роль предоставлена уѣздному исправнику. По этому закону исправникъ облеченъ карательною властью въ области денежныхъ сборовъ съ крестьянскаго населенія.

Въ 1874 г. полицейскій надзоръ надъ крестьянами увеличился учрежденіемъ института полицейскихъ урядниковъ.

Въ 1886 г. былъ опубликованъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ, по которому крестьянская семья теряла право произвести раздѣлъ безъ разрѣшенія сельскаго схода.

12 іюля 1889 г. вышелъ законъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Положеніе это имѣетъ особенно важное значеніе.

Земскіе начальники явились ближайшею крестьянскою властью. Имъ въ полномъ смыслѣ слова была ввѣрена опека надъ населеніемъ. Законъ предоставилъ имъ весьма широкія полномочія.

Земскій начальникъ утверждаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ волостного правленія, а также пользуется правомъ временно устранять ихъ отъ должности въ административномъ порядкѣ онъ имѣетъ право подвергнуть крестьянина денежному штрафу или аресту до 3 дней.

Наконецъ, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. представительство отъ крестьянъ въ земствѣ урѣзало чуть-ли не вдвое.

Отрицательныя стороны въ административномъ устройствѣ крестьянъ остаются еще и понынѣ.

Органы крестьянскаго самоуправленія всецѣло находятся въ зависимости отъ бюрократіи, которая сдѣлала изъ крестьянскихъ учрежденій орудіе своей власти и совершенно уничтожило крестьянское самоуправленіе, превративъ его въ систему выборныхъ и безплатныхъ полицейскихъ служителей.

Крестьяне ждутъ необходимыхъ реформъ.

Рязанскій.

Русскіе писатели о крѣпостномъ правѣ.

Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня освобожденія страны отъ позора рабства.

Въ этотъ день всеобщаго ликованія, мы должны вспомнить о тѣхъ, чей голосъ раздавался среди тяжелаго, гнетущаго безмолвія, кто, въ тѣ дни „какъ все коснѣло на Руси дремля и раболѣпствуя позорно“ осмѣливался громко говорить о несправедливости рабства и желать крѣпостнымъ лучшей доли.

Въ этотъ день не долженъ остаться забытымъ ни одинъ изъ тѣхъ русскихъ писателей, которые создали свѣтлую идею освобожденія и вынесли ее на своихъ плечахъ, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе какъ святыню, какъ ковчегъ завѣта до тѣхъ поръ пока мечта не стала дѣйствительностью.

I.

Къ концу XVIII столѣтія крѣпостное право перестало уже быть исторической необходимостью и превратилось въ рабство.

Рабство и созданныя имъ отношенія наложивъ свой отпечатокъ на весь строй тогдашней жизни, неизбѣжно должны были найти то или иное освѣщеніе въ литературѣ Екатерининской эпохи.

Съ того момента, какъ русскіе писатели отрѣшились, наконецъ, отъ искусственно привитаго имъ ложно-классическаго направленія и отъ высокопарныхъ одъ, подобострастныхъ посланій своимъ покровителямъ и робкаго подражанія французскимъ писателямъ и перешли къ изображенію живой русской дѣйствительности, они не могли не заговорить о крѣпостномъ правѣ, т. к. въ то время оно во всей русской жизни играло огромную роль.

Но взгляды на крѣпостное право у писателей Екатерининскаго времени весьма различны. Часть писателей на существованіе рабства смотрѣла какъ на нормальную вещь и изображала въ своихъ сочиненіяхъ крѣпостныхъ вполнѣ счастливыми людьми.

Справочный отдѣлъ.

РАСПИСАНІЕ
временнаго пассажирскаго движенія
АРМАВИРЪ-ТУАПСИНСКОЙ Ж. Д.

Армав.-Владик.	Отходъ	8 ч. 45 у.
Арм.-Туапсинс.		9 ч. 15 у.
Андр.-Дмитріев.		10 ч. 18 у.
Курганная		11 ч. 20 у.
Постъ 45 верс.		12 ч. 03 у.
Кошехабль		12 ч. 10 д.
Дундуковская		12 ч. 15 д.
Назаровская плат.		1 ч. 30 д.
Гіагинская		2 ч. 06 д.
Бѣлорѣченская		3 ч. 48 д.
Ханская		4 ч. 48 д.
Майкопъ	Приходъ	6 ч. в.
Майкопъ	Отходъ	7 ч. 45 у.
Ханская		9 ч. 09 у.
Бѣлорѣченская		10 ч. 15 у.
Гіагинская		11 ч. 58 у.
Назаровская плат.		12 ч. 19 д.
Дундуковская		1 ч. 00 д.
Кошехабль		1 ч. 41 д.
Постъ 45-й вер.		2 ч. 16 д.
Курганная		2 ч. 40 д.
Андрей-Дмитріевка		3 ч. 48 д.
Армавиръ-Туапсин.		4 ч. 57 д.
Армавиръ-Влад.	Приходъ	5 ч. 10 д.

Время мѣстное.

Часы пріема.

Атаманъ отдѣла полковникъ П. П. Лагуновъ принимаетъ въ управленіи отдѣла отъ 9 до 1 час. дня ежедневно.

Полиціймейстеръ Г. А. Буличъ принимаетъ въ полицейскомъ управленіи отъ 9 до 1 час. дня ежедневно.

Городской голова Д. И. Зинковецкій принимаетъ въ зданіи Майк. городской управы отъ 10 до 2 час. дня ежедневно.

Податный инспекторъ А. А. Авшаровъ принимаетъ въ собственной канцеляріи (въ старомъ городѣ отъ 10 до 2 час. дня ежедневно.

Инспекторъ народныхъ училищъ г. Рудаковъ принимаетъ у себя (Бульварная ул.) во всякое время когда дома.

Окружный акцизный надзиратель г. Морозовъ принимаетъ въ зданіи казеннаго виннаго склада ежедневно.

Городская больница амбулаторный пріемъ отъ 9до 2 час. ежедневно.

Городская ветеринарная амбулаторія. Безплатный пріемъ отъ 7 до 11 час. утра, кромѣ воскресеній и пятницъ.

Городская библіотека открыта отъ 9 до 12 и отъ 4 ч. д. до 8 ч. ежедневно. Въ праздники—отъ 10 до 1 дня.

Майкопская почтовая контора открыта съ 8 до 2 час. дня и отъ 5 до 7 час. вечера ежедневно. Въ праздники отъ 9 до 11 час. дня.

Уѣздное казначейство (Клубная ул.) открыто отъ 9 до 1 час. дня ежедневно.

Государственная сберегательная касса (въ зданіи казначейства) открыта отъ 9 до 1 час. дня.

Майкопская мѣщанская управа открыта отъ 9 до 12 час. дня и отъ 5 до 7 час. вечера ежедневно.

Требуются разносчики на жалованье.
Узнать въ редакціи.

Заграничными сѣменами торговля
Маріи Васильевны **Ростовцевой**
извѣщаетъ о получкѣ сѣмянъ цвѣточныхъ, огородныхъ и полевыхъ.
Прейсъ-куранты безплатно.

Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ, Москва.
Золотая медаль Лондонъ 1893 г.

ТРЕБУЕТСЯ
ПРИКАЗЧИКЪ СЪ ЗАЛОГОМЪ
въ бакалейно-гастрономическую потребительскую лавку при майкопскомъ казенномъ винномъ складѣ.

ТИПОГРАФІЯ
✲ ПЕТРА ЛЬВОВИЧА ЧЕРНОВА ✲
ВЪ Г. МАЙКОПѢ, КУБАНСК. ОБЛ.
ИСПОЛНЯЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ СКОРО И АККУРАТНО.
А ТАКЖЕ ИМѢЕТСЯ
МАСТЕРСКАЯ КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ

— СЪ ВЕСНЫ ВЪ ТУАПСЕ —
(Черноморской губ.)
будетъ выходить газета
„БЕРЕГЪ КАВКАЗА“
при ближайшемъ участіи всѣхъ сотрудниковъ „Майкопской Газеты“ и мѣстныхъ дѣятелей.
Программа газеты: статьи на разныя темы, фельетоны, телеграммы, корреспонденціи, хроника, беллетристика, обзоръ печати, театръ, музыка и проч.
Отдѣлы: торгово-промышленный, нефтяной, рыбо-промышленный, сельскохозяйственный и табаководства.
Въ газетѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи (портреты, рисунки, каррикатуры).
Для Газеты оборудывается типографія. О днѣ выхода будетъ объявлено особо, за свѣдѣніями обращ. въ редак. „Майк. Газ.“

Продается ЛОКОМОБИЛЬ
въ 10 лош. силъ, системы „Ромсонъ“, вполнѣ исправный.
О цѣнѣ и условіяхъ спросить у БУШМАНА, въ магаз. Бр. Богарсуковыхъ.

Послѣ пожара ЛИКВИДАЦІЯ МАГАЗИНА
А. М. Бодянскаго ускоряется.
Всѣ оставшіеся нераспроданными вещи перенесены на Михайловскую улицу, въ домъ Гейманъ, гдѣ ихъ можно разсматривать отъ 10 до 5 час. дня ежедневно.

Магазинъ мануфактурныхъ товаровъ
и готоваго Московскаго платья
Н. В. БАЙСТРЮЧЕНКО
въ г. Майкопѣ.
Отдѣленіе въ станицѣ Бѣлорѣченской.
Получены новости къ весеннему сезону.
Лѣтнія ткани. Богатый выборъ трико для костюмовъ московскихъ и заграничныхъ фабрикъ; модные кашемиры, батисты, шерстяные муслины, льняное полотно и блузочный шелкъ.

Зеркала-Рекламы въ Майкопѣ.
Выставленныя съ 15 декабря 1910 года въ г. Майкопѣ **зеркала-рекламы** въ количествѣ шести экземпляровъ въ видныхъ мѣстахъ **будутъ демонстрироваться въ теченіи года.**
Объявленія принимаются въ типографіи П. Л. Чернова, какъ мѣстныя, такъ и иногородня. ■ Иногородныя объявленія принимаются только по полученіи денегъ. ■ Плата для иногородныхъ въ мѣсяцъ—5 руб. въ годъ—25 руб. ■ Иногородныхъ прошу адресовать: Майкопъ, типографія П. Л. Чернова, И. В. РАЕВУ.

Книжный и канцелярскій магазинъ
Ѳ. Т. МАРѢЕВА въ Майкопѣ
Магазинъ снабженъ постояннымъ запасомъ въ большомъ выборѣ письменныхъ, учебно-канцелярскихъ и учебныхъ пособій.
Принимается подписка и объявленія для „Майкопской Газеты“.

2-е ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ
членовъ Майкопскаго Общества борьбы съ пьянствомъ
имѣетъ быть въ ВОСКРЕСЕНЬЕ 20 Февр.,
въ 1 часъ дня, въ помѣщеніи городской управы, для обсужденія и рѣшенія нижеслѣдующихъ вопросовъ:

1) Разсмотрѣніе отчета за 1910 г. и смѣты на 1911 г.
2) Уменьшеніе платы членскаго взноса.
3) Производство выборовъ Правленія и членовъ ревизіонной комиссіи.
4) Принять мѣры къ разсмотрѣнію дѣятельности общества, согласно устава.

Правленіе общества покорнѣйше проситъ г.г. членовъ непремѣнно пожаловать на означенное засѣданіе, въ виду важности вопросовъ, подлежащихъ обсужденію.

2-е общее собраніе считается состоявшимся при наличности явившихся членовъ.

Новыя лица, записавшіяся до начала обсужденія вопросовъ, принимаютъ участіе какъ въ выборахъ, такъ и при обсужденіи вопросовъ.

Правленіе Майкопскаго
Общества борьбы съ пьянствомъ.

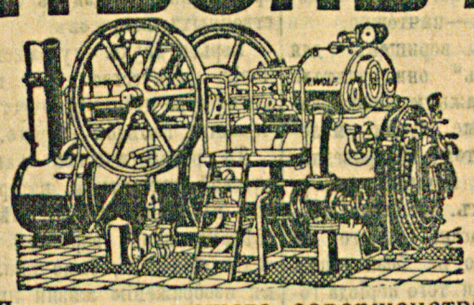
ХОРОШІЙ ТОНЪ!
Необходимое руководство для дамъ и мужчинъ. Игры, фанты, забавныя шутки карточн. фокусы. Ораторское искусство. Рѣчи и тосты на различные случаи Образцы любовн. и друг. писемъ. 3-е изд. значит. дополн. Цѣна съ пер. 1 р. 25 к. (марками) нал. плат. 1 р. 50 к. С.-Петербургъ, Невскій 100. Т-во Основа.

Оптово-розничный магазинъ обуви и кожевеннаго товара
В. С. ВРУБЛЕВСКАГО
Въ Майкопѣ. Отдѣленіе въ ст. Апшеронской.
Постоянное полученіе товаровъ: всевозможной обуви и галошъ, валенки, сапоги, очень удобные плащи непромокаемые, зонты, шляпы и шапки мужскія, корзины, англійскіе сундуки, чемоданы и саквояжи.
Кожевенные товары, подошва, юфта, полувалъ богородскій, всевозможныя лаковыя кожи, боксъ, шевро черное и цвѣтное.
Оптовымъ покупателямъ особая скидка.
Принимаю заказы на мужскую обувь. 56—55

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КУЛЬТУРНЫЙ КАВКАЗЪ“.
Вышли слѣдующія изданія:
1) Какая намъ нужна наука? Рѣчь о наукѣ Эд. Карпентера. Цѣна 10 коп.
2) Майкопскій Календарь-Справочникъ „Для Всѣхъ“ на 1911 г. съ планомъ города Майкопа и картою нефтянаго района. Цѣна 30 коп.
3) Карта центральнаго промысловаго района. Съ указаніемъ положенія буровыхъ работъ, дорогъ, телефонныхъ, водопроводныхъ и нефтепроводныхъ линій. Цѣна 25 коп.
4) Планъ города Майкопа. Телефонная сѣть и водопроводъ. Цѣна 10 коп.
5) „Кубанскій нефтяной сборникъ“. Готовится къ печати.
6) Городъ Майкопъ въ прошломъ и настоящемъ. (печатается).

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ
ПРИ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ
„КУЛЬТУРНЫЙ КАВКАЗЪ“
Принимаются объявленія во всѣ русскія газеты и журналы по цѣнамъ редакцій.
Принимаются объявленія въ **Майкопскую Телефонную Книжку на 1911 г.** на 2-е полугодіе. Цѣна 1 страница **15** р., ½ страницы—**8** р. и ¼ стр. **4** р.
Принимаются объявленія въ „**Майкопскій Календарь-Справочникъ Для Всѣхъ**“ на 1912 годъ. Цѣна 1 страница **20** р., ½ стр.,—**10** р. и ¼ стр. **5** р.
Принимаются объявленія въ имѣющую выходить съ марта мѣсяца въ Туапсе, Черноморской губерніи, **газету „БЕРЕГЪ КАВКАЗА“.**

Годовые и полугодовые подписчики на „Майкопскую Газету“ на 1911 годъ, ПОДПИСАВШІЕСЯ въ **февралѣ** мѣсяцѣ получаютъ ВСѢ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) „Майкопскій Календарь-Справочникъ“ на 1911 г. 2) Нефтяной сборникъ. 3) „Городъ Майкопъ“

С.-Петербургъ 1909 г.: Больш. золот. медаль; высшая награда.
Р. ВОЛЬФЪ МАГДЕБУРГЪ БУКАУ (Германія)

Перевозные и постоянные
съ насыщеннымъ и патентованные
ЛОКОМОБИЛИ
съ перегрѣтымъ паромъ
съ точнымъ парораспредѣленіемъ
БЕЗЪ КЛАПАНОВЪ.
Оригинальная конструкція Вольфа
отъ 10—800 лош. сил.
Двигатели высшаго совершенства и громадной экономности для всѣхъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ цѣлей.
Отдѣленіе въ Ростовѣ н/Д., Большая Садовая, № 10.

Редакторъ-издатель А. И. Вознесенскій, 18 февраля 1911 г. „Майкопская Газета“ Печатается въ типографіи П. Л. Чернова г. Майкопъ.